

## К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕПРЕССИЙ 1918–1953 гг.

**А.Г. Тепляков**

Новосибирский государственный  
университет экономики  
и управления – «НИНХ»

teplyakov-alexey@rambler.ru

Проблема достоверной репрессивной статистики в СССР 1918–1956 гг. остается актуальной научной задачей. Особенно затруднительно осуществить подсчеты жертв террора во время Гражданской войны, а также лиц, погибших в политической, крестьянской и этнической ссылках 1920–1950-х гг. Малодоступность документов ФСБ, МВД, Архива Президента РФ и ряда других важных архивов препятствует основательному изучению этой статистики. Тем не менее предпринятое автором изучение ряда фондов центральных и региональных архивов позволило получить ценную статистическую информацию и доказательно оспорить достоверность приводимых обычно цифр, особенно по периоду Гражданской войны и началу 1930-х гг. Благодаря документам ЦА ФСБ удалось найти доказательства массовых расстрелов во внесудебном порядке в 1933 г., численность которых оказалась почти на порядок выше объявленных в начале 1990-х гг. Также опровергнуты статистические уловки, благодаря которым резко занижалась смертность в лагерях ГУЛАГа. Таким образом, новые данные диктуют необходимость уточнения репрессивной статистики с неизбежным увеличением численности пострадавших от карательных действий государства.

**Ключевые слова:** политические репрессии, террор, органы госбезопасности, ГУЛАГ.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67

Проблема достоверной репрессивной статистики в СССР 1918–1953 гг. остается актуальной научной задачей. У исследователей разные подходы к тому, что именно считать политическими репрессиями государства и следует ли засчитывать в жертвы преследований граждан других государств, где действовали советские силовые и карательные структуры (Польша, Китай, Монголия, Венгрия и др.). Малодоступность документов ФСБ, МВД, Архива Президента РФ и ряда других важных архивохранилищ препятствует основательному изучению репрессивной статистики. Неудовлетворительна статистика и смертных приговоров, и общего числа заключенных; хорошо заметны разноречивые данные различных

ведомств, а также утраты важных документальных комплексов. Например, до сих пор не обнаружена статистика смертности в местах заключения наркомата юстиции СССР первой половины 1930-х гг., тогда как есть данные о просто катастрофическом уровне смертности в многочисленных тюрьмах и колониях данного ведомства. Есть и доказанные случаи утрат архивно-следственных дел: по приказу МВД СССР от 1955 г. подлежали уничтожению прекращенные дела, включая те, где среди предъявленных обвинений фигурировали и пункты ст. 58 УК РСФСР. В 1959 г. были уничтожены дела на расстрелянных в 1940 г. почти 22 тыс. польских военнопленных. В 1991 г. во время гражданской войны в Грузии оказались

сожжены почти все дела на реабилитированных лиц из архива бывшего КГБ.

Тем не менее пока торжествует принцип презумпции достоверности опубликованных В.Н. Земсковым и другими авторами официальных данных о числе подвергнутых политическим репрессиям в СССР, которые обычно используются без учета их неполноты, а где-то и недостоверности. Предлагаемый нами материал не претендует дать исчерпывающие ответы на сложные и дискутируемые вопросы, но опирается на достаточно широкий круг опубликованных и архивных источников. Мы предлагаем те новые сведения о политических репрессиях, которые в последнее время удалось обнаружить в делах рассекреченных фондов ЦА ФСБ и некоторых других архивов. Они не являются революционными, но всё же наглядно говорят о том, что репрессии были шире и беспощаднее, чем это можно вывести из тех публикаций, которые пользуются доверием современных исследователей.

Особенно затруднительно осуществить подсчеты жертв террора Гражданской войны, а также лиц, погибших в политической, крестьянской и этнической ссылках 1920–1950-х гг. Пока, например, возможны только оценочные цифры красного террора в годы Гражданской войны (уточнить его, в частности, поможет начавшееся рассекречивание метрических книг, передаваемых из МВД в государственные архивы). Красный террор был гораздо масштабнее, чем представляется тем, кто считает его равным или уступающим белому террору. Например, видный дальневосточный эсер-максималист писал: «...К методам активной беспощадно-революционной, не знающей компромиссов борьбы, прибегали почти все революционеры на Д.-Востоке, особен-

но в Благовещенске на Амуре. Расстрелы без суда... здесь были не в редкость. Отдельные представители Амурской власти, как, например, начальник областной тюрьмы Матвеев и его помощник С. Дмитриев (оба коммунисты), не один десяток лиц, подозреваемых и обвиняемых в контрреволюции и в белогвардейщине, расстреляли под сурдинку без суда и следствия. Это было известно и Ревкому, об этом узнали и многие в городе, но никто против этого не протестовал... настолько все "привыкли" к подобного рода явлениям» [10, с. 75].

Официальные власти практиковали и тайные расправы. Некоторые неудачные попытки выплывали наружу, но явно только небольшая часть. Так, начальник Бийской уездной ЧК Н.Б. Путекле получил летом 1920 г. от председателя Алтайской губчека Х.П. Щербака приказ тайно убить бывшего партизанского командира И.Я. Третьяка, с июня 1920 г. работавшего членом Бийского укома РКП(б) и уездного исполкома, как якобы заговорщика, но не сумел этого сделать из-за отказа исполнителей [8, с. 42; 9, л. 39]. Согласно показаниям сексота И.Г. Александрова, он имел поручение от Путекле «...негласно уничтожить Третьяка в целях предотвращения к-р восстания, готовившегося Третьяком и [В.И.] Плетневым. Данное задание им не было выполнено благодаря вмешательству Губернского Комитета партии, который случайно узнал о готовящемся убийстве Третьяка» [1, т. 1, л. 111–112]. Провалившегося «акцию» Путекле ненадолго посадили за «пьянство и должностные преступления»; но в 1922–1923 гг. он подвизался в качестве начальника облугрозыска Зырянской автономной области, после чего был определен блюсти зырянскую законность в ранге помощника областного прокурора [7, л. 4,

13 об., 31; 13, л. 45, 53; 21, с. 84]. Аналогичный чекистский провал из-за нелояльности исполнителей случился весной 1921 г. в Госполитхране (ГПО) Дальневосточной республики. Военком и врид начальника партизанской Забайкальской кавдивизии Поздняков 1 апреля 1921 г. телеграфировал в Штаб Главкома НРА: «У меня есть официальные документы от сотрудников Г.П.О. об убийстве меня тчк Сотрудники Г.П.О. подтверждают, что было поручено убить меня некоторым сотрудникам Г.П.О. [но] последние не исполнили, а признались мне тчк Мною не принимается никаких мер, прошу срочной высылки комиссии для разбора указанного тчк» [19, л. 172].

Не следует фетишизировать данные многочисленных региональных Книг памяти, опирающихся на информацию, предоставленную органами ФСБ и МВД о реабилитированных. Есть убедительные доказательства, что она не является полной, особенно по 1920-м гг. В газете «Знамя революции» 7 ноября 1920 г. заместитель председателя Томской губчека Б.А. Бак официально извещал, что с 14 января по 1 октября 1920 г. Томская уездно-губернская ЧК арестовала 6138 чел., из них 4087 – за контрреволюцию. Из этого количества «как неисправимые» было расстреляно 330 чел. Таким образом, томские чекисты за весь год арестовали до 5 тыс. одних только «контрреволюционеров», а между тем Томская книга памяти упоминает среди реабилитированных только около 1250 из числа арестованных в течение всех 1920-х годов.

В Книге памяти жертв политических репрессий Алтайского края по 1920 г. приведено несколько сотен репрессированных, в основном освобожденных. Однако на совещании руководящих партработников Алтайской губернии глава местной губче-

ка Х.П. Шербак 20 декабря 1920 г. заявил: «...С первых дней определенного антисоветского элемента эсеров и др. контрреволюционеров насчитывалось 25 тысяч человек – отдельными группами, в разных местах. К настоящему времени раскрыты и за контрреволюционную деятельность расстреляно 10 тысяч» [6, л. 27]. Если Книга памяти жертв политических репрессий Алтайского края отмечает за 1923–1927 гг. лишь около 50 репрессированных, то, согласно сведениям из чекистских архивов, один лишь уездный уполномоченный Алтгубдела ГПУ по Бийскому уезду за 1923 г. арестовал 419 чел., в том числе 172 – за контрреволюцию, 7 – за шпионаж, 85 – за бандитизм [16, с. 145].

Пресловутое «рассказывание» вовсе не ограничивалось территорией Донской области, где в 1919 г. бушевал массовый террор. Окончание Гражданской войны далеко не сразу снизило накал репрессий что на юге России, что на Дальнем Востоке. В ноябре 1921 г. К.Е. Ворошилов на пленуме Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) докладывал (опираясь на информацию ревтрибунала) об уничтожении в последнее время на Кубани «политтройками» до 3 тыс. обвиненных в повстанческой деятельности граждан без суда и следствия, считая такую цифру некоторым перегибом: «...Кубань изобилует преступными элементами, которые следует вырезать... <...> Захваченных на месте бандитов можно расстреливать, но если вы арестовали, то будьте добры расследовать. Кубанцы могут подтвердить, что расстреливались люди, которых было бы желательно затем воскресить» [16, с. 356].

По данным полпредства ОГПУ по Дальневосточной области, Амурское (Зазейское) крестьянское восстание, вспыхнувшее в январе 1924 г. на почве недоволь-

ства населения, в значительной части казачьего, втрое увеличенным продналогом, было полностью ликвидировано в январе-феврале с применением жесточайшего террора: «Активная часть повстанцев-кулаков в числе 450 человек – расстреляна на месте» [26, л. 94]. Считается, что всего из примерно 5 тыс. восставших было уничтожено около 1000 чел. [20, с. 170–180]. Недавно появились сведения о том, как тройка Амурского губотдела ОГПУ без какого-либо серьезного разбора пачками расстреливала тех, кто обвинялся в причастности к восстанию, при этом пытали даже стариков и подростков [2, с. 148–150]. Региональная карательная чекистская практика 1924 г. полностью соответствовала нехитрому тезису из письма одного из «ликвидаторов» царской семьи А.Г. Белобородова секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому 6 мая 1919 г.: захваченных повстанцев «не судят, а с ними производят массовую расправу» [3, с. 109–110].

Систематическому истреблению подвергалось русское офицерство. Например, в Книге памяти жертв репрессий в Крыму упомянуто менее 500 расстрелянных в 1921 г., тогда как глава Крымчека М.М. Вихман откровенно сообщал: «При взятии Крыма был назначен лично тов. ДЗЕРЖИНСКИМ первым председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где... уничтожил энное количество тысяч белогвардейцев – остатки врангелевского офицерства» [14, т. 1, л. 225]. Здесь следует учесть, что основную часть белых – 12 тыс. чел. – расстреляли в конце 1920 – весной 1921 г. работники особых отделов, не подчинявшиеся Крымчеку, поэтому данные Вихмана следует приплюсовать к давно известной цифре в 12 тыс. казненных в Крыму. Член Дальбюро ЦК РКП(б) В.А. Масленников в

начале 1922 г. возмущенно писал о «подвигах» П.П. Постышева под Хабаровском, где прошли жестокие бои между наступающими в Приамурье белогвардейскими частями и войсками Народно-революционной армии Дальневосточной республики. По сведениям Масленникова, сотрудники ГПО ДВР жестоко уничтожали пленных, причем с санкции высшего военно-политического руководства: «Совершенно ненормальным было отношение к противнику и пленным: взятые в бою 11 января [1922 г.] пленные офицеры были ГПО по приказу т. Постышева убиты, замучены в санитарном вагоне. Об этом знали и рассказывали санитары, население, солдаты на ст. Ин» [18, л. 42 об.].

В большевистской среде сразу сложилась традиция видеть в любом арестованном опасного врага, который должен с помощью тяжелых и часто невыносимых условий заключения либо дать признательные показания, либо погибнуть. Государство могло бы найти ресурсы за счет повышения пайков и наведения элементарного порядка в местах заключения. Но чиновники искренне считали, что не только не стоит заботиться о нуждах репрессированных, но целесообразнее морить их голодом и эпидемиями, усиленно помогая органам ВЧК и ревтрибуналам. Люди арестовывались очень часто без каких бы то ни было обвинительных материалов и месяцами, а нередко бывало, что и годами сидели без допросов, не всегда доживая до окончания следствия.

В Нижнем Новгороде весной 1920 г. в местах заключения от эпидемии тифа умерла четверть из 2200 заключенных. В Новониколаевске руководители реввоен трибунала при запасных частях 5-й армии и 51-й дивизии 20 марта 1920 г. обращались

к военным властям (начальнику гарнизона, военкомдиву-51 и политотделу 51-й дивизии), а также в губревком и губком относительно нетерпимого положения заключенных в неотапливаемом доме принудработ, где из 387 чел. было 280 больных, содержащихся вместе со здоровыми: «Люди валяются на полу под нарами. Медицинская помощь почти отсутствует – врач не был четверо суток. В результате 9 трупов лежат во дворе необранными в течение 7 суток». Из 387 заключенных более 200 числилось за губчека и «многие сидят по два три месяца без допроса» [24, л. 76]. Но положение улучшено не было, и в конце 1922 г. в переполненной новониколаевской губтюрьме отмечался рост эпидемических заболеваний [25, л. 260]. Аналогичная ситуация была тогда во всех тюрьмах страны. Подобное отношение к арестованным и находящимся в предварительном заключении являлось традиционной политикой и в последующие десятилетия.

В сравнительно мирные нэповские времена можно видеть как эпизоды массовых недолговременных арестов, так и кампании массовых казней политических врагов и уголовных элементов. В августе-сентябре 1924 г. во время подавления меньшевистского восстания в Грузии местные чекисты расстреляли около 400 повстанцев, но Сталин потребовал прекращения казней, назвав их «политической ошибкой» [5, с. 602]. Летом 1927 г. в СССР было арестовано более 9 тыс. человек с основной целью – привлечь к негласному сотрудничеству максимально большее количество лиц из церковнослужителей, бывших офицеров, торговцев, интеллигенции и студенчества [29, с. 64–89]. Основную часть их вскоре выпустили, вероятно, добившись поставленной цели (и эти

люди не считаются репрессированными). К тому же чекисты официально присваивали себе право арестовывать и судить лиц, отказывавшихся становиться сексотами [15, л. 10].

С опорой на документы ЦА ФСБ нам недавно удалось опровергнуть более 20 лет находящуюся в обороте цифру расстрелянных местными органами ОГПУ по СССР за 1933 г. – 2154 чел. Обнародовавшие эти цифры сотрудники ФСБ не обратили внимания, что общая цифра ликвидированных в отчете за 1933 г. отсутствует, а 2154 чел. – это осужденные к расстрелу с заменой на 10 лет заключения [22, с. 50–54]. Между тем примеры всего лишь по нескольким регионам дают огромные цифры уничтоженных тройками ОГПУ. Тройкой при полпредстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю с декабря 1932 по середину марта 1933 г. было осуждено: к расстрелу – 1712 чел., к заключению в концлагеря – 758, к ссылке – 158 чел. [28, л. 2]. Деятельность тройки ПП ОГПУ Белорусской ССР с декабря 1932 по май 1933 г. характеризуется следующими цифрами. Во внесудебном порядке в эти месяцы чекистским руководством было рассмотрено 3574 дела на 13 414 чел. Из них к расстрелу было приговорено 2158 чел., к заключению в концлагеря – 8617, к ссылке – 2487 чел. [27, л. 7].

Известные и в ряде случаев далекие от полноты данные по Белоруссии, Украине, Ленинградской области, Казахстану, Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям дают свыше 8 тыс. расстрелянных. Прибавив уничтоженных решением Коллегии ОГПУ свыше 1800 чел., получим не менее 10 тыс. жертв. Поскольку неучтенными остаются еще полтора десятка полномочных представительств, то даже минимально возможная численность убитых чекиста-

ми составит, скорее всего, от 12 до 15 тыс. Но не исключено, — если цифры, достигнутые в Сибири и Белоруссии, будут продемонстрированы еще в трех-четыре полпредствах ОГПУ, а в оставшихся окажутся в среднем на уровне 200–300 чел. для каждого регионального чекистского органа, — что общее число расстрелянных в 1933 г. превысит 20 тыс. чел. и окажется выше, чем даже в 1930 г., когда чекистами было уничтожено 20 тыс. «кулаков» и других противников власти.

Усилиями историков со временем карательная статистика уточняется, причем обычно в сторону увеличения числа репрессированных. Несмотря на, казалось бы, давно устоявшиеся цифры расстрелов 1937–1938 гг., историки «Мемориала» выяснили, что официальная цифра казненных в годы Большого террора (682 тыс. чел.) существенно занижена, и речь должна идти о гибели 725–740 тыс. чел. [23, с. 568], не считая смертности в тюрьмах и самоубийств на воле в ожидании ареста. В лагерях была невероятно высокая детская смертность, причем эти родившиеся в неволе и вскоре погибшие младенцы не являлись осужденными. Согласно справке ГУЛАГа, за первое полугодие 1943 г. смертность среди детей вольнонаемных в сельхозлагерях, УИТЛ и ОИТК НКВД составила 0,47 %, а среди детей матерей-заключенных — 41,7 % [12, с. 131]. Важно отметить недавно находку в ГА РФ псковским историком М.Ю. Наконечным, автором новаторских работ по истории пенитенциарной системы [11, с. 337–380], сведений о массовом активировании умирающих от истощения заключенных ГУЛАГа в 1940-х — начале 1950-х гг. (более 650 тыс. чел.), из которых основная часть погибла, официально считаясь освобожденными. Местные архи-

вы подтверждают массовые масштабы активирования: прокуратура ИТЛ и ИТК УНКВД по Новосибирской области за 1944 г. освободила 2686 заключенных в связи с тяжелой болезнью и инвалидностью [5, л. 1 об. — 12 об.]. Известно о массовом активировании для «исправления» статистики и в 1930-е годы. Поэтому вместо официально зафиксированных 1,76 млн умерших в лагерях ОГПУ-МВД за 1930–1953 гг. придется считать, возможно, до 2,5 млн жертв. Много неизвестных трагических эпизодов касается и ссылки. В Цюрупинском районе Павлодарской области Казахстана в феврале–марте 1945 г. власти по халатности не выбрали 77 центнеров хлеба для спецпереселенцев, вследствие чего за первый квартал 1945 г. от истощения умерло 230 чел., которых не хоронили по много недель; трупы погибших голодной смертью валялись на улицах, на что начальство никак не реагировало [17, л. 42].

Таким образом, изучение центральных и региональных архивов позволяет получить ценную статистическую информацию и доказательно оспаривать достоверность некоторых устоявшихся цифр. Исследования о советском терроре еще очень далеки от стадии зрелости и требуют кропотливого накопления эмпирического материала, без которого карательная статистика всё еще остается недостаточно определенной величиной. Однако новые факты свидетельствуют о необходимости говорить о более крупной численности жертв государственного террора в СССР во все эпохи — от Гражданской войны до послевоенного времени.

#### Литература

1. Архив управления ФСБ по Новосибирской области. — Д. П-2853. — Т. 1.

2. *Аурилене Е.Е., Цыбин А.Ю.* Меч пролетарской диктатуры: дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. – Хабаровск: Частная коллекция, 2010. – 176 с.
3. Большевицкое руководство. Переписка, 1912–1927: сборник документов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 423 с.
4. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2013. – 760 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 324.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 143.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 148.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. П-5. – Оп. 2. – Д. 1155.
9. *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые: к истории сталинских репрессий в Бийске. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – 279 с.
10. *Жуковский-Жук И.И.* Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Партизанское движение в низовьях Амура. – Чита: Левое народничество, 1922. – 128 с.
11. *Наконечный М.Ю.* Сазлаг ОГПУ-НКВД как лагерь перманентной катастрофы со смертностью заключенных: сравнение с Бухенвальдом СС // Труды III исторических чтений памяти генерала Н.Н. Головина. – СПб., 2013. – С. 337–380.
12. *Нахапетов Б.А.* К истории санитарной службы ГУЛАГа // Вопросы истории. – 2001. – № 6. – С. 126–136.
13. Отдел специальной документации при Государственном архиве Алтайского края (ОСА ГААК). – Ф. Р-2. – Оп. 6. – Д. П-192.
14. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). – Ф. 7. – Д. 51645. – Т. 1.
15. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 225.
16. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. – М.: Кучково поле, 2006. – 704 с.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 1235.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 105.
19. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 221. – Оп. 1. – Д. 369.
20. *Саначев П.А.* Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН. – 1992. – № 3–4. – С. 170–180.
21. *Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР, 1917–1923. – М.: ВивидАрт, 2011. – 1216 с.
22. *Тепляков А.Г.* Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 1. – С. 50–54.
23. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5, кн. 2. 1938–1939. – М.: РОССПЭН, 2006. – 704 с.
24. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1242.
25. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 626.
26. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 535.
27. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). – Ф. 2. – Оп. 11. – Д. 657.
28. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). – Ф. 2. – Оп. 11. – Д. 712.
29. *Velikanova O.* The first Stalin mass operation (1927) // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2013. – Vol 40, N 1. – P. 64–89.

## ON THE QUESTION OF RELIABILITY OF THE STATE REPRESSION STATISTICS IN 1918–1953

A.G. Teplyakov

Novosibirsk State University  
of Economics and Management  
teplyakov-alexey@rambler.ru

The problem of the reliable statistics on the USSR repression in 1918–1956 remains an urgent scientific challenge. It is particularly difficult to carry out calculations of the Civil War terror victims, as well as those who were killed in political, ethnic and peasant exile in the 1920–1950-ies. Inaccessible documents from Russian FSB, MIA, AP and a number of other important sources hamper a thorough study of the statistics. Nevertheless, the study of the material from the central and regional archives undertaken by the author enabled him to get valuable statistical information and convincingly challenge the accuracy of the figures usually given, especially for the period of the Civil War and the beginning of the 1930s. The documents from the FSB central archive provided the evidence of mass executions based on the extrajudicial procedure in 1933, the number of which turned out to be much higher than announced in the early 1990s. The statistical tricks used to drastically underestimate the mortality level in the Gulag camps were also refuted. Thus, the new data require clarification of the repressive statistics that will inevitably increase the number of victims of the state punitive actions.

**Keywords:** Political repression, terror, state security bodies, the Gulag.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67

### References

1. *Arkhiv upravleniya FSB po Novosibirskoy oblasti* [Archive of management of FSB across the Novosibirsk region]. Doc. P-2853. Vol. 1.
2. Aurilene E.E., Tsybin A.Yu. *Mech proletarskoy diktatury: dal'nevostochnye organy GPU-OGPU v bor'be za ekonomicheskuyu bezopasnost' SSSR* [The sword of proletarian dictatorship: Far East the organs of the GPU-OGPU in the fight for economic security of the USSR]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya Publ., 2010. 176 p.
3. *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927: sbornik dokumentov* [The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927: the collection of documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 423 p.
4. Buldakov V.P. *Utopiya, agressiya, vlast'. Psichosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920–1930]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 760 p.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANO)]. F. 20. Inv. 1. Doc. 324.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANO)]. F. P-1. Inv. 1. Doc. 143.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANO)]. F. P-1. Inv. 1. Doc. 148.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State archive of Novosibirsk region (SANO)]. F. P-5. Inv. 2. Doc. 1155.
9. Grishaev V.F. *Dvazhdy ubitye: k istorii stalin-skikh repressiy v Byske* [Twice dead: the history of Stalinist repression in Biysk]. Barnaul, ASU Publ., 1999. 279 p.
10. Zhukovskiy-Zhuk I.I. *N. Lebedeva i Ya. Tryapitsyn. Partizanskoe dvizhenie v nizov'yakh Amura* [N. Lebedeva and Y. Tryapitsyn. Partisan movement in the lower reaches of the Amur river]. Chita, Levoe narodnichestvo Publ., 1922. 128 p.
11. Nakonechnyy M.Yu. [Sazlag OGPU-NKVD as a camp of permanent catastrophe with

mortality of prisoners: a comparison with Buchenwald SS]. *Trudy III istoricheskikh chteniy pamyati generala N.N. Golovina* [Proceedings of the III historical readings in memory of General N.N. Golovin]. St. Petersburg, 2013, pp. 337–380.

12. Nakhapetov B.A. K istorii sanitarnoy sluzhby GULAGa [The history of the sanitary service of the Gulag]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2001, no. 6, pp. 126–136.

13. *Otdel spetsial'noy dokumentatsii pri Gosudarstvennom arkhive Altayskogo kraja (OSD GAAK)* [Department of special documentation of the State archive of Altai kraj]. F. R-2. Inv. 6. Doc. P-192.

14. *Otraslevoy gosudarstvennyy arkhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy (OGA SBU)* [Sectoral state archive of the security service of Ukraine (SSA SBU)]. F. 7. Doc. 51645. Vol. 1.

15. *Otraslevoy gosudarstvennyy arkhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy (OGA SBU)* [Sectoral state archive of the security service of Ukraine (SSA SBU)]. F. 13. Inv. 1. Doc. 225.

16. Plekhanov A.M. *VChK-OGPU: otechestvennye organy gosudarstvennoy bezopasnosti v period novoy ekonomicheskoy politiki, 1921–1928* [VChK-OGPU: the Russian state security agencies during the new economic policy, 1921–1928]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2006. 704 p.

17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian state archive of contemporary history]. F. 6. Inv. 2. Doc. 1235.

18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian state archive of socio-political history (RSASPH)]. F. 372. Inv. 1. Doc. 105.

19. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian state military archive (RSMA)]. F. 221. Inv. 1. Doc. 369.

20. Sanachev I.D. Krest'yanskoe vosstanie na Amure – kulatskiy myatezh ili shag otchayaniya? [Peasant uprising on the Amur – kulak's rebellion or a desperate move?]. *Vestnik Dal'nevostochnogo ot-*

*deleniya Rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1992, no. 3–4, pp. 170–180.

21. Skorkin K.V. *Na strazhe zavoevaniy Revolyutsii. Istoriya NKVD-VChK-GPU RSFSR, 1917–1923* [On guard over the gains of the Revolution. History of the NKVD-Cheka-GPU of the RSFSR 1917–1923]. Moscow, VividArt Publ., 2011. 1216 p.

22. Telyakov A.G. Dinamika gosudarstvennogo terrora v SSSR v 1933 godu: novye dannye [Dynamics of the state terror in the USSR in 1933: new data]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk state University. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, iss. 1, pp. 50–54.

23. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 5, kn. 2. 1938–1939* [The tragedy of the Russian village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939. Documents and materials. In 5 vol. Vol. 5, bk. 2. 1938–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 704 p.

24. *Tsentral'nyy arkhiv FSB RF (TsA FSB)* [Central archives of the Federal security service (CA FSS)]. F. 1. Inv. 5. Doc. 1242.

25. *Tsentral'nyy arkhiv FSB RF (TsA FSB)* [Central archives of the Federal security service (CA FSS)]. F. 1. Inv. 6. Doc. 626.

26. *Tsentral'nyy arkhiv FSB RF (TsA FSB)* [Central archives of the Federal security service (CA FSS)]. F. 2. Inv. 2. Doc. 535.

27. *Tsentral'nyy arkhiv FSB RF (TsA FSB)* [Central archives of the Federal security service (CA FSS)]. F. 2. Inv. 11. Doc. 657.

28. *Tsentral'nyy arkhiv FSB RF (TsA FSB)* [Central archives of the Federal security service (CA FSS)]. F. 2. Inv. 11. Doc. 712.

29. Velikanova O. The first Stalin mass operation (1927). *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2013, vol. 40, no. 1, pp. 64–89.